

Семилетним мальчишкой увидел **Игорь Ерёмин** в небе над собой кресты на крыльях фашистских самолётов. Война очень скоро нагрянула в его родное село Понзари Сампурского района Тамбовской области. Отец находился на фронте. На руках матери остались четыре сына и дочь, будущий поэт был самым старшим из детей. Вскоре после Победы семья переехала на Дальний Восток в легендарный посёлок Волочаевка. Игорь окончил истфил Благовещенского пединститута. Работал в Хабаровском крае и Амурской области учителем, затем журналистом. Творчество поэта из «глубинки» заметил и поддержал главный редактор журнала «Наш современник» С. Викулов. В 1975 году поэма Ерёмина «Солдатка» была удостоена премии журнала как лучшая поэтическая публикация года. В издательстве «Современник» поэт выпустил книгу «Земные корни», получившую высокую оценку столичных литературных критиков. Лучшие стихотворения поэта — воспоминания о военном детстве. В них искренняя, не утихающая с годами боль невосполнимых утрат, выстраданная радость Победы.

Игорь Ерёмин, вступив в Союз писателей СССР, стал одним из первых шести «отцов-основателей» Амурской писательской организации. На полках моего стеллажа стоят все его семь книг стихотворений и поэм, последняя из которых — «Зрелость» — вышла в свет уже после кончины автора.

Игорь Ерёмин

* * *

Я жил на траурной земле,
Как на большом погосте.
Кресты глаза кололи мне,
Как скрещенные кости.

Кресты на крыльях с высоты,
И самолёты сами
Похожи были на кресты
На бреющем над нами.

Припав к земле, крестился дед,
Пророчествуя грозно:
— Креста на вас, проклятых, нет.
Покаетесь, да поздно...

Война срывала с отчих мест,
Но где он — мира адрес?
На судьбах — крест, на странах — крест,
Вся жизнь кругом крест-накрест.

Кресты! Развалины окрест.
Окно в крестах бумажных.
Несла Россия тяжкий крест
И в бой звала отважных.

И, зная, недаром так густы
Леса под русским солнцем.
Хватило вдосталь на кресты
Осины крестоносцам.

* * *

Не хватало тишины,
Как еды и отчей ласки...
Мы в дыму и диком лязге
Жили звуками войны.

Как душа, земля стонала
По ночам, когда пальба
Нас с постели поднимала
И бросала в погреба.

Из разбитых окон школы
Стоны раненых слышны.
Как ожившие иконы,
Были лица их страшны.

И играл, рыдал на хромке
Призывник в последний день.
И, роняя похоронки,
Бабы бились о плетень.

И тянули руки дети.
— Хлеба! — плакали они.
И молчали на планете
Лишь убитые одни.

МАХОРКА

По большаку, в тяжёлых клубах пыли,
Шли торопливо к западу войска.
Мы у бойцов, что в речке воду пили,
Тихонько попросили табака.

Они глядели на худые лица,
На одежонку, что была бедна.
— От рук отбились.
— Как тут не отбиться? —
Солдат солдату говорил. — Война!

И пусть сейчас она совсем негромко
До слуха доносилась — всё равно:
За похоронкой шла к нам похоронка,
А писем с фронта не было давно.

— Беда, и только! — И кисет с махоркой
Достал солдат. — Берите, ребятня.
Курите! — крикнул он с надсадой горькой. —
Войну закончим — будет вам ремня!

Так он напомнил нам: мы были дети.
И боль отца в его словах была.
И думал я, как дальше жить на свете,
И горько мне цигарка губы жгла.